Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 801.73
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-483-494

‘Страх’ и ‘смех’ Ф.М. Достоевского

Игорь Васильевич РУЖИЦКИЙ
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1
✉ konnitie@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – аргументация ключевой роли идиоглосс *страх* и *смех* в тезаурусе Ф.М. Достоевского с использованием материалов «Словаря языка Достоевского». Основным методом исследования, таким образом, является лексикографическая параметризация авторской языковой личности. Актуальность разрабатываемой темы заключается в необходимости дальнейшего поиска методов реконструкции языковой личности, конкретно – языковой личности Достоевского. Идиоглоссы *страх* и *смех* оказываются в центре соответствующих текстовых семантических полей, несомненно взаимосвязанных друг с другом в картине мира писателя. Приводятся статистические показатели употреблений слов *страх* и *смех* в текстах Достоевского и других писателей, его современников. Расширяется перечень ситуаций смеха, предложенный Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом, в частности, говорится о том, что интенцией смеха может служить желание скрыть отрицание персонажем каких-либо моральных норм, выделяется также компенсаторная функция смеха и др. Анализируются атрибутивные связи слов *смех* и *страх*, подчёркивающие их идиоглоссный статус. Делается заключение о том, что языковую личность Достоевского определяет в первую очередь Homo Ridens, человек смеющийся. Кроме того, анализ материала словарных статей *страх, страшный, страшно* и др. «Словаря языка Достоевского» позволяет зафиксировать причины появления страха у персонажей Достоевского и у самого автора, наиболее важными из которых являются неопределённость и случайность. Этот вывод представляется вполне обоснованным и не противоречит результатам большинства исследований языка и творчества Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, словарь языка писателя, идиоглосса, идеоглосса, тезаурус

Для цитирования: *Ружицкий И.В.* ‘Страх’ и ‘смех’ Ф.М. Достоевского // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 483-494. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-483-494

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-483-494

‘Fear’ and ‘laughter’ of F.M. Dostoevsky

Igor V. RUZHITSKY
Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation
✉ konnitie@mail.ru

Abstract. The work uses the materials of the Dostoevsky’s Language Dictionary argues the key function of idioglossas *fear* and *laughter* in F.M. Dostoevsky thesaurus. Thus, the main method of the research is the lexicographic parametrization of the author’s lingual identity. The relevance of the topic being developed is the need for further search of the methods for reconstructing the lingual identity, specifically – the lingual identity of Dostoevsky. These idioglossas are the centers of the corresponding textual semantic fields, which are undoubtedly interconnected with each other in the writer’s worldview. The work presents statistical data on the use of the words *fear* and *laughter* in the texts of Dostoevsky and other writers, his contemporaries. The list of laugh situations in the texts of Dostoevsky, proposed by Y.N. Karaulov and Y.L. Ginzburg, is broaden, for example, the laugh intention can be the desire to hide by the character some moral standards denial, the compensatory function of laugh, etc. We analyze the attributive relationships of the words *laughter* and *fear* emphasizing the idioglossary status of these words. It is concluded that the basis of Dostoevsky lingual identity is first of all Homo Ridens – “man laughing”. In addition, the analysis of dictionary entries *fear, scary, fearfully*, etc. of Dostoevsky’s Language Dictionary allows us to fix the reasons for the appearance of fear in Dostoevsky’s characters and of the author himself, the most important of which are uncertainty and randomness. This conclusion seems quite reasonable and does not contradict the results of the most studies of Dostoevsky’s language and creativity.

Keywords: Dostoevsky, dictionary of the writer’s language, idioglossa, ideoglossa, thesaurus

For citation: Ruzhitsky I.V. ‘Strakh’ i ‘smekh’ F.M. Dostoyevskogo [‘Fear’ and ‘laughter’ of F.M. Dostoevsky]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 483-494. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-483-494 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ВВЕДЕНИЕ

Смех довольно часто становился предметом исследований – философов, филологов, культурологов, социологов, психоаналитиков (М.М. Бахтин, А. Бергсон, Д.С. Лихачёв, Л.В. Карасёв, Ф. Ницше, З. Фрейд и мн. др.). То же можно сказать и о страхе, ставшем одним из основных объектов внимания прежде всего в экзистенциальной и близкой к ней философии (Э. Бёрн, А. Камю, А. Жид, П. Коэльо, С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, А. Шопегауэр). Многие из этих мыслителей (см., например, [1]) или учились у Достоевского, или интерпретировали страх и смех на материале его произведений. В наши задачи ни в коем случае не входит анализ, даже краткий, концепций этих и других учёных, цель более скромная и более конкретная – систематизировать и изложить некоторые наблюдения, сделанные в ходе работы над Словарём языка Достоевского (далее – СЯД; см. [2], в пятом томе которого слова *страх* и *смех* подлежат лексикографическому описанию (в настоящее время завершается работа над пятым томом Идиоглоссария, куда войдут слова на буквы По–С)). Отметим, что Словарь языка Достоевского – это словарь-идиоглоссарий. Описываемые в Словаре единицы обозначаются термином «идиоглосса», то есть слово, характеризующее авторский идиостиль. Показателями идиоглоссного статуса слова являются особенности его сочинительных и подчинительных связей,

возможность вхождения в высказывание афористического типа, автонимное и игровое употребление и др. В иерархии идиоглосс выделяются ключевые единицы, выполняющие концептуальную функцию в тезаурусе Достоевского, – идеоглоссы, к которым, безусловно, относятся *страх* и *смех*. И идеоглоссы, и идиоглоссы являются языковыми маркерами, отражающими авторскую языковую картину мира.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Достоевского сложно представить человеком смеющимся, Homo Ridens: ранняя смерть матери, странная смерть отца, смертный приговор, каторга и каторжане, постоянная, впрочем, весьма относительная нужда… До 1864 года Достоевский всё-таки смеялся, смеялся он даже первые годы после каторги. П.И. Вейнберг так вспоминает об игре Достоевского в любительском спектакле «Ревизор»: «Я думаю, что никто из знавших Фёдора Михайловича в последние годы его жизни не может себе представить его комиком, притом комиком тонким, умеющим вызывать чисто гоголевский смех; а между тем, это было действительно так…» [3, с. 100]. После 1864 года Достоевский остался в памяти современников, о чём говорят их многочисленные мемуары, как человек скорее не-смеющийся, мрачный, нелюдимый. Не имитация казни, не каторга, но именно 1864 г. стал во многих отношениях для писателя переломным: смерть жены и любимого брата, участившиеся припадки эпилепсии, проблемы с журналом «Эпоха», очень непростые, надрывные отношения с Аполлинарией Сусловой и многое другое. Как следствие – практически полное одиночество. Вместе с тем именно смех занимает центральное место в творчестве Достоевского, начиная с самых первых его произведений и до конца жизни, о чём, в частности, говорит употребление писателем самого слова «смех», а также близких к нему по значению лексических единиц. И Достоевского, несомненно, интересовал сам феномен смеха, например, когда он писал о Гоголе и Лермонтове: «Были у нас и демоны, настоящие демоны; их было два, и как мы любили их, как до сих пор мы их любим и ценим! Один из них всё смеялся; он смеялся всю жизнь и над собой и над нами, и мы все смеялись за ним, до того смеялись, что наконец стали плакать от нашего смеха. <…> Он мстил и прощал, он писал и хохотал – был великодушен и смешон» (из во многом программной статьи Достоевского «Записки о русской литературе») (здесь и далее примеры из текстов Достоевского цит. по: [4]).

В восприятии русского читателя Достоевский представляется скорее как писатель не-смеющийся, мрачный: огромное количество смертей, убийств, самоубийств, размышлений о смерти… Что, кстати сказать, для японского читателя, например, является моментом положительным, во многом объясняющим доходящую до безумия, часто в прямом значении этого слова, любовь к Достоевскому. Западный читатель, несмотря на всю дефектность восприятия Достоевского через переводные тексты, смог почувствовать смех писателя. Томас Манн говорил о Достоевском как о «великом юмористе», о том, что творчество писателя проникнуто «необузданной стихией комического» (см.: [5]). Конечно, смех Достоевского заметили (и изучали) и российские исследователи его творчества и языка – М.М. Бахтин (смех, способствующий обновлению жизни, приближающий к телесности); Л.В. Карасёв (две разновидности смеха – комический и издевательско-бесовский, злой, с преобладанием второго у Достоевского); В.В. Виноградов, Д.С. Лихачёв, Р.Г. Назиров и др.

Несомненно также и то, что сам Достоевский исследовал не только феномен смеха, но и феномен страха. Текстовые источники – литературные произведения, личные письма, дневники, записные книжки и другие, говорят о том, что ‘страх’, а также сопряжённые с ним понятия занимают у Достоевского едва ли не центральное место, во многом определяют поступки героев и самого писателя. Естественным образом, хотя, конечно, следует отдавать себе отчёт в том, что в таких случаях прямая зависимость существует далеко не всегда, напрашивается параллель между высокой значимостью концепта ‘страх’ в текстах Достоевского и обстоятельствами его жизни, в том числе и личностными особенностями самого писателя – страх в ожидании смертного приговора, затем его исполнения;

страх быть посаженным в долговую яму; страх проиграть; страх перед постоянно повторяющимися припадками, не подчиняющимися какой-либо временной закономерности; страх показаться смешным. Парадоксалист в «Записках из подполья»: «До болезни тоже боялся я быть смешным и потому рабски обожал рутину во всём, что касалось наружного; с любовью вдавался в общую колею и всей душою пугался в себе всякой эксцентричности»; «Трагическое так же смешно, как и комическое. Боюсь смешного» (из «Записных тетрадей» Достоевского). И множество других страхов, в первую очередь – перед случайностью: «Но всё забочусь, и день и ночь об них [детях] думаю, и обо всех нас: всё хорошо, а вдруг случай какой-нибудь. Случайного я пуще всего боюсь» (из письма А.Г. Достоевской). Этот страх перед случайностью отражён, в частности, в употреблении слова *вдруг*, которое стало одним из самых популярных объектов исследования языка Достоевского.

Писателя интересует страх в самых разных его проявлениях и стадиях. Приведём только один пример – диалог Ставрогина с Лебядкиной: и испуг, и поднятая вверх рука, и многое другое. Страх в течение всего разговора Ставрогина с Лебядкиной сопровождается её смехом и улыбкой – безумным смехом, хохотом и – безумной улыбкой. Лебядкина постепенно перестаёт бояться, но начинает бояться уже Ставрогин (улыбкой тоже можно напугать) и в конце концов спасается бегством. Ставрогин, «демонический персонаж», столь любимый и одновременно ненавидимый практически всеми читательницами «Бесов», бежит: он столкнулся с безумием, которое гораздо сильнее, чем его собственное сумасшествие. Бегство, кстати, – основное проявление страха, оцепенение уже на втором месте.

Как было сказано выше, задача настоящей статьи весьма скромная, заключается она в изложении некоторых результатов анализа лексикографических данных, а конкретно – основных особенностей употребления лексем *смех, смеяться, смешной, смешно, страх, страшный, страшно, бояться, испугаться* и др., входящих в ядро и центр текстовых семантических полей ‘смех’ и ‘страх’. При этом мы постараемся избежать каких-либо глобальных философских или литературоведческо-интерпретационных обобщений.

Самое мифологическое в лексикографии, а, наверное, не только в лексикографии, но и вообще в жизни, – это статистика, информация, приводимая в статистических словарях. Тем не менее интересными и важными для решения наших задач могут оказаться данные словаря А.Я. Шайкевича, В.М. Андрющенко и Н.А. Ребецкой «Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870 гг.» [6], в котором фиксируется относительная частота на 1 миллион словоупотреблений. Приведём отдельные наблюдения:

– относительная частота употребления слова *страх* в произведениях Достоевского обозначенного периода мистическим образом полностью (!) совпадает с частотой употребления слова *смех* – 221. Во всём корпусе текстов писателя частота употребления слова *страх* – 533, слова *смех* – 519, то есть почти совпадает. Достоевский без мистики не был бы Достоевским…

– эта частота превышает среднюю, если среднюю величину вычислять по текстам Толстого, Тургенева, Гончарова, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Островского и Писемского; превышает среднюю и частота употребления лексем *страшный* и *страшно*;

– наиболее частотной оказалась лексема *испуг*, а вот *ужас* сильно уступает Гончарову, *бояться* – Островскому;

– частота употребления глагола *смеяться* у Достоевского существенно превышает его частоту у других авторов – 547; например, у Салтыкова-Щедрина – 142; общая же частота употребления *смеяться* в текстах Достоевского всех периодов творчества – 1208, большая часть – 984 – в художественной прозе; персонажи Достоевского смеются намного чаще, чем персонажи других авторов, причём смеются очень и очень поразному, о чём будет сказано ниже (при этом мы не принимаем во внимание статистику относительно употребления глаголов *засмеяться* и *рассмеяться*, где картина несколько иная);

– в целом чаще у Достоевского персонажи *хохочут*, если учесть статистические показатели для слов *хохот, хохотать, захохотать* и *расхохотаться*;

– а вот улыбаются у Достоевского намного реже, частота употребления слова *улыбка* существенно ниже, чем у Толстого (284 – 710), как и глаголов *улыбаться* (148 – 955) и *улыбнуться* (181 – 313); *улыбка*, конечно, может быть болезненной, даже злой, но сравнительно нечасто, в отличие, скажем, от *усмешки*: частота употребления *усмехаться* и *усмехнуться* у Достоевского сильно превышает аналогичную у всех остальных авторов: например, эти глаголы, а также существительное *усмешка* вообще не встречаются у Островского (напомним, что мы ориентировались на статистику дли периода 1850–1870 гг.).

Можно сделать следующее заключение: общая частота употребления лексемы *смех*, а также семантически близких ей у Достоевского существенно превышает среднюю, определяемую по текстам восьми авторов. Она примерно такая же, как у Толстого (в основном за счёт очень высокой частоты употребления слов *улыбка* и *улыбаться*), Гончарова и Тургенева, и намного выше, чем у Лескова, Салтыкова-Щедрина и Островского.

Статистика, возможно, и представляет какой-то интерес, но научным, однако, его назвать сложно. Эти данные могут использоваться только как сопроводительный материал для наблюдений другого рода, сделанных с учётом других лексикографических параметров. И если уж говорить о значимости статистических показателей, то гораздо важнее учитывать повторяемость слова в каком-либо конкретном произведении, даже в конкретной описываемой ситуации, как в упомянутом выше диалоге Ставрогина с Марьей Лебядкиной. На слово *вдруг* исследователи творчества Достоевского обратили внимание не потому, что у этой лексемы очень высокая общая частота употребления, но в силу насыщенности этим словом и его синонимами отдельных узких контекстов (см., например, [7]). То же, кстати, можно сказать и о словах *почти, слишком, как бы, как будто* и других индикаторах неопределённости.

Ключевая роль смеха у Достоевского была, в частности, отмечена Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом (см. [8]). Проведённый ими лингвистический анализ текстов романов «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы» позволил выделить шесть разных «ситуаций смеха» у Достоевского (слово *ситуация* в данном контексте не равнозначно значению. Для сравнения: в СЯД выделяются следующие значения глагола *смеяться*: 1. Смехом, улыбкой и/или словесно выражать пренебрежение, неуважительное, скептическое отношение; подтрунивать, глумиться; относиться пренебрежительно, скептически. 2. Издавать смех; выражать весёлость, радостное настроение. 3. Говорить несерьёзно, иногда с целью скрыть что-л.): (1) Смех как звучание, смех как таковой, без дополнительных его характеристик и свойств: князь Мышкин слышит доносившийся из окна «смех звонких голосов»; (2) Смех детский, то есть смех от избытка радости, ощущения здоровья и жизни, как бы беспричинный (такой смех является в первую очередь характеристикой князя Мышкина, ещё до публикации романа «Идиот» – у Вареньки Добросёловой в «Бедных людях», у Мечтателя в «Белых ночах», у Саши в повести «Село Степанчиково и его обитатели»); (3) Смех над комическим, смех юмористического характера, когда смеются весёлой и беззлобной шутке, анекдоту, неожиданной игре слов или комичной ситуации (то есть смех как реакция на смешное, на то, что своей интенцией может иметь вызывание смеха): «Говоря это, он [князь Мышкин] приблизился к Аглае. Она отняла платок, которым закрывала лицо, быстро взглянула на него и на всю его испуганную фигуру, сообразила его слова и вдруг разразилась *хохотом* прямо ему в глаза, – таким весёлым и неудержимым *хохотом*, таким *смешным* и *насмешливым хохотом*, что Аделаида первая не выдержала, особенно когда тоже поглядела на князя, бросилась к сестре, обняла её и *захохотала* таким же неудержимым, школьнически весёлым *смехом*, как и та. Глядя на них, вдруг стал *улыбаться* и князь <…>» («Идиот») (курсив в примерах из текстов Достоевского наш. – *И. Р.*). Данный контекст интересен также насыщенностью лексем, входящих в текстовое семантическое поле ‘смех’: *смех, смеяться, хохот, хохотать, смешной, насмешливый, насмехаться, насмешка, усмешка, улыбаться, улыбка*; (4) Смех неверия тому, о чём говорит собеседник, неприятия всерьёз его утверждения. В таких контекстах присутствует номинация смеха, но нет самого смеха, есть

отрицание какого-либо утверждения, факт неверия: в диалоге П. Верховенского со Ставрогиным «Вы смеётесь? На здоровье; я и сам смеюсь» («Бесы») не смеётся ни Ставрогин, ни Верховенский, смех которого в других ситуациях вообще очень своеобразный; (5) Смех-издёвка, который чаще обнаруживается в публицистике Достоевского: «Явилась потом *смеющаяся* маска Гоголя, с страшным могуществом *смеха*» («Записки о русской литературе»); (6) Смех патологический, болезненный, смех человека, впавшего в истерию или близкого к помешательству; смех изменённого или раздвоенного сознания: «[Ипполит] Имею честь просить вас ко мне на погребение, если только удостоите такой чести, и... всех, господа, вслед за генералом!.. Он опять *засмеялся*; но это был уже *смех* безумного. Лизавета Прокофьевна испуганно двинулась к нему и схватила его за руку. Он смотрел на неё пристально, с тем же *смехом*, но который уже не продолжался, а как бы остановился и застыл на его лице» («Идиот»).

Эти шесть ситуаций смеха (точнее было бы сказать – функций смеха, или его интенций) следует расширить. Так, смех персонажей – демонических злодеев Достоевского (Валковский, Свидригайлов, Ставрогин, Иван Карамазов), а также персонажей-шутов (Фома Фомич, Ежевикин, Фердыщенко, капитан Лебядкин, Ф.П. Карамазов, отчасти Порфирий Петрович и Лебедев) может предполагать другие интенции, например, желание скрыть отрицание любых моральных норм: «Да, я подлец, но это как бы и не всерьёз». То есть смех в данном случае является своеобразной маской. Такие персонажи есть в любом крупном произведении Достоевского, начиная с романа «Униженные и оскорблённые». «<…> пошляки и лицемеры в произведениях Достоевского стремятся произвести впечатление на окружающих с помощью натужных усилий удачно пошутить» [9, с. 165]. И смех вышеупомянутых персонажей-шутов – это не только желание рассмешить, но и стремление в, казалось бы, несерьёзном высказать что-то важное.

Нельзя также забывать и об известной компенсаторной функции смеха (смех как своеобразная разрядка, реакция, наступающая после сильного психологического напряжения). Такой смех мы тоже нередко встречаем в произведениях Достоевского, например, в «Преступлении и наказании», где постоянный страх Раскольникова часто сопровождается его смехом.

Есть ещё и такая функция смеха, о которой говорил сам Достоевский, обрисовывая в своих предварительных заметках к роману образ Порфирия Петровича, как *раздражить*, – вывести из себя Раскольникова, чтобы тот проговорился и сознался в совершённом преступлении.

В словарной статье СЯД есть зона комментария, в которой фиксируются подчинительные связи, гипотаксис, описываемого слова. Первое, что обращает на себя внимание, – это разнообразие определений существительного *смех*, которые и позволяют отнести смех к той или иной ситуации из описанных выше или к нескольким из них. Некоторые определения, очевидно, «заимствованы» Достоевским, например, *короткий деревянный смех* Д. Карамазова (2 раза + 1 раз *отрывистый деревянный смех* у него же). *Короткий деревянный смех* дважды встречается у Тургенева – в «Отцах и детях» и в «Дыме», произведениях, хорошо известных Достоевскому и написанных до «Братьев Карамазовых». «Заимствовали» друг у друга в эпоху Достоевского с такой же лёгкостью, как это делают и сейчас (подробнее см. [10]).

Повторы используемых Достоевским определений смеха очень немногочисленны (даже повторяющийся *деревянный смех* связан с конкретным персонажем), к ним относятся: *весёлый, визгливый, всеобщий, громкий, детский, звонкий, знакомый, истерический, маленький, милый, недавний, нервический, нервный, неслышный, неудержимый, общий, откровенный, презрительный, простодушный, сверкающий, светлый, странный*. Частое использование повторяющихся определений *истерический, нервный, нервический* характеризуют смех патологический, связанный с болезнью, так же как и определения с единичным употреблением: *безумный, болезненно-нервический, длинный, нервный, сотрясающийся и неслышный, искривлённый, какой-то неслышный длинный, нервозный и сотрясающийся, прерываемый рыданиями, припадочный*.

Такой смех отражают и другие подчинительные связи: *смех безумного; смех превратился в нестерпимый кашель; смеха припадок; после смеха стать умирать; после смеху закатиться кашлем; при смехе повеситься*.

Болезненный смех встречается в основном в «Преступлении и наказании», «Идиоте» и «Братьях Карамазовых», произведениях, наиболее известных и наиболее часто цитируемых. Это, вероятно, и послужило причиной того, что именно на такой смех в первую очередь обращают внимание читатели Достоевского и исследователи его творчества. Или, возможно, потому, что на такой смех по каким-либо причинам, например, в силу отрицательного отношения к писателю, хотят обратить внимание.

Тем не менее у Достоевского преобладает смех с повторяющимися определениями *детский* и *весёлый*, ‘радостный смех’ и ‘смех как таковой’: *в высшей степени простодушный, не развратный, здоровый, хотя и грубоватый, – совсем не такой, каким смеются иные размазыватели в нашем обществе или в нашей литературе; добрый; здоровый; не громкий, но заливчатый, длинный, счастливый; не злобный, а добрый; радостный; развесёлый; совершенно невинный, простой, простодушный, беззаботный, ребяческий*.

Зафиксированные в словарной статье СЯД подчинительные связи слова *смех* отражают и такую особенность идиостиля Достоевского, как частое использование плеоназма (это относится и к особенностям употребления слова *страх* и слов, входящих в соответствующее текстовое семантическое поле) – *смеяться/рассмеяться/захохотать/расхохотаться* и т. п. *смехом*, в общей сложности таких случаев около 30, это одна из констант идиостиля Достоевского: «[Горянчиков] Через минуту он [Орлов] *расхохотался* надо мной самым простодушным *смехом*, без всякой иронии <…> («Записки из Мёртвого дома»); <…> он [Раскольников] помнил потом, что он *засмеялся* нервным, мелким, неслышным, долгим *смехом*, и всё смеялся, всё время, как проходил через площадь («Преступление и наказание»); <…> засмеялся он истерически (он поминутно *смеялся* коротким и восторженным *смехом*) («Идиот»); Он [Версилов] быстро вырвал из моей руки свою руку, надел шляпу и, смеясь, *смеясь* уже настоящим *смехом*, вышел из квартиры» («Подросток»). Повторы, причём различного типа, за которые Достоевского часто бранили критики, писателю необходимы, чтобы как-то компенсировать, нейтрализовать создаваемый им фон неопределённости.

В словарной статье СЯД помимо гипотаксиса фиксируется паратаксис, сочинительные связи описываемого слова, что тоже позволяет сделать интересные наблюдения. Например, сочетание *презирать и смеяться* употребляется только начиная со второго периода творчества писателя и во всех романах «великого пятикнижия» Достоевского, а *плакать и смеяться* – во всех трёх периодах творчества, включая первое произведение – «Бедные люди».

Особый интерес представляет использование Достоевским зевгмы, заставляющей читателя остановиться, а иногда и улыбнуться: «Это был человек лет под тридцать, росту высокого, толстый, жирный, *с румяными, заплывшими жиром щеками, с белыми зубами и с ноздрёвским раскатистым смехом*. По лицу его было видно, что это самый незадумывающийся человек в мире («Записки из Мёртвого дома»); Он везде *с своим карандашом и лорнетом и тоненьким, сытненьким смехом*» (публицистика).

И, конечно, не могут не обратить на себя внимания многочисленные повторы однокоренных слов. Такие контексты часто также насыщены другими словами соответствующего семантического поля: «[Неточка] Я отвечала ему нервным, истерическим *смехом* прямо в глаза, прошла *смеясь* мимо него и вошла, не переставая *хохотать*, к Александре Михайловне («Неточка Незванова»); [Князь Мышкин] <…> видя, что она [Аглая] и все *смеются*, вдруг раздвинул рот и начал *смеяться* и сам. *Смех* его кругом усилился; офицер, должно быть человек *смешливый*, просто прыснул со *смеху* <…>» («Идиот»).

Ключевую функцию идиоглоссы *смех* в тезаурусе Достоевского подчёркивают высказывания афористического характера, большую часть которых мы встречаем в «Подростке» во внутренних монологах Аркадия, что, по всей видимости, не случайно: *Чаще всего в смехе людей обнаруживается нечто пошлое, нечто как бы унижающее смеющегося, хотя сам смеющийся почти*

всегда ничего не знает о впечатлении, которое производит; Даже бесспорно умный смех бывает иногда отвратителен. Смех требует беззлобия, а люди всего чаще смеются злобно; Чрезвычайное множество людей не умеют совсем смеяться. Впрочем, тут уметь нечего: это – дар, и его не выделаешь; Хорошо смеётся человек – значит хороший человек.

Можно предположить, что языковая личность Достоевского – это прежде всего Homo Ridens, человек смеющийся. Конечно, смех Достоевского амбивалентен, как и вообще любой смех, но у писателя преобладает тот, который скорее соотносится с радостью, весельем. У Достоевского «Возбуждение сострадания и есть тайна юмора» (это слова самого писателя, не персонажа, сказанные в одном из писем). Р.Г. Назиров писал: «…главным в его творчестве оставался то приглушённый (редуцированный), то по-новому выявленный прославляющий смех, смех сострадания и сочувствия к искажённой человечности. Юмор Достоевского – это прежде всего и более всего улыбка печальной любви при виде человечески священного в его неотъемлемо-земной, смешной форме» [11]. Или, как определила смех больная аутизмом девочка, Соня Шаталова, – «доктор для печальной души».

Словами семантического поля ‘страх’ насыщены многие произведения Достоевского, но в первую очередь – романы «Преступление и наказание» и «Бесы». Так, во многих речениях Кириллова, любимого персонажа философов-экзистенциалистов, страх выполняет ключевую функцию: *Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен; Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог; Кто убьёт себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас Бог станет; <...> страх к врагу уничтожает и злобу к нему <...>; Страх есть проклятие человека...*

В романе «Преступление и наказание» слово *страх* встречается 47 раз, что составляет примерно 11 % вообще всех употреблений в художественной прозе. Такую частоту следует считать довольно высокой. Кроме того, очевидна повышенная частота употребления *страшный, страшно, бояться, испугаться, испуг* и других лексем, входящих в соответствующее семантическое поле.

Создаётся ощущение, что в «Преступлении и наказании» страх становится самостоятельным субъектом, определяющим все действия и мысли Раскольникова, что, в частности, отражается в предикативных сочетаниях слова *страх*: *вселился в сердце, выводил из себя, обложил душу, овладевал, охватил, охватывал, поразил* и др. Сам роман начинается со страха Раскольникова, когда читатель узнаёт о замысле преступления, затем – совершение убийства и, наконец, состояние Раскольникова после совершения преступления. Подробнейшим образом описываются все возможные симптомы проявления страха, которые были зафиксированы в психиатрии только в XX веке. Кроме того, ‘страх’ в романе символизируется, например, посредством использования слов *крюк*, причём в обоих значениях, *запор, шляпа* (подробнее о символическом значении слова *крюк* см. [12]). В «Бесах» мы тоже видим символизацию страха, страха Ставрогина, который, казалось бы, не боится ничего, – это *маленький красненький паучок*, связанный, помимо страха, с совестью и раскаянием. Достоевский шифрует, символизирует страх. В отличие от смеха, символизировать, шифровать который нет необходимости. Смех – это реакция, в том числе и реакция на страх.

Характеристики *страха* в текстах Достоевского отражают прежде всего атрибутивные связи этого слова: *божий (3), безотчётный (3), безумный (2), беспрерывный (2), благоговейный, большой (3), величайший (3), внезапный, внушаемый, возраставший, грубый, давешний, деликатный, дикий, дурной, духовный, единый, ежеминутный, животный, зарождавшийся, иудейский, какой-то (5), либеральный, личный, малейший, надлежащий, наивный, настоящий, неведомый, некоторый (4), основательный, особенный, панический (11), первый (2) повсеместный, постоянный (2), прежний (2), самый малодушный сильный (2), смертный (5), совершенно естественный, суеверный (2), тупой, ужаснейший (4), ужасный (2), чрезвычайный (2), чрезмерный, как бы суеверный, какой-то безотчётный, какой-то безумный, какой-то детский, какой-то затаённый, какой-то либеральный, какой-то невольный, какой-то*

неестественный, какой-то необыкновенный, какой-то панический, какой-то покорный; почти мистический, почти панический (2), почти суеверный; безотчётный, чуть не мистический, весь мой, некоторый суеверный, смертный великий, тупой бессмысленный, ужасный и внезапный; ужасный, невыносимый; дошедший до помешательства, но заключавший в себе бесконечное наслаждение; острый, но чисто физический; невольный и неотразимый, подавляющий всё нравственное существо человека; самый мнительный, самый необъяснимый и самый тяжёлый; страх встречи, наказания (5), неудачи, неустойки, опасности, отказа, проклятия, смерти (4), уважения, человечества, шпионов; порока и бесславия, кощунства и оскорбления церковного; за вчерашнее, за здоровье, за князя, за него, за своё бытие, за свою жизнь, за себя (4), за меня, за неё; к врагу, к палачу; от аксельбантов, от камня; перед Европой (2), перед врагом, перед наказанием, перед риском, перед участью, пред капитаном, пред явлениями природы.

Большинство определений единичны, но, конечно, не может не обратить на себя внимания частота употребления существительного *страх* с *панический* и с *какой-то*, то есть страх у Достоевского очень часто неопределённый. То же – в сочетании с *почти* и *некоторый* и, конечно, с любимыми Достоевским *как бы* и *как будто*: *дрожала от волнения и как будто от страха; На лице её изобразилось сначала как будто недоумение, как будто даже страх, но только на мгновение; художника объемлет как бы суеверный страх; вселяла в него какой-то невольный страх уважения; с каким-то затаённым страхом начал мне говорить; смотрела с каким-то покорным страхом; Мысль о Дуне и матери навела на него вдруг почему-то как бы панический страх*.

Причины страха самые разные: *уголовное наказание, опасность, арест, смерть, кощунство, отцовское проклятие, жизнь, враг, встреча*... Широкий диапазон причин страха отражает сочетаемость глаголов *бояться* и *испугаться*. Приведём лишь наиболее характерные примеры: *женщина, кредиторы, (недобрый) человек, (чужой) человек, болезнь, боль, будущность, взгляд, воображение, впечатления, враги, дважды два четыре, документ, донос, жизнь, злоба, лицо, любовь, люди, мнения, ненависть, розги, обличение, (твёрдая) определённость, отказ, паралич, письмо, позор, припадок (конечно, чаще всего и в письмах), пустяки, самоубийство, скандал, случайное, случайность, смерть (очень часто), смешное, сплетни, сумрак, темнота, цензура, улика…*

Так же как и смех, страх у Достоевского усиливается многочисленными плеоназмами и повторами: «[Неточка] Я не понимала, чего я так вдруг испугалась, но *боялась за* этот *испуг* («Неточка Незванова»); [Ставрогин] Я *боялся*, что она [Матреша] опять *испугается*, как давеча, и молча ушёл из дому («У Тихона»); – Да это ж пустяки! – воскликнул Алёша, *испугавшись* их [Хохлаковых] *испуга*» («Братья Карамазовы») и др.

Страх у Достоевского, в отличие от смеха, не амбивалентен (за исключением, пожалуй, *дошедшего до помешательства, но заключавшего в себе бесконечное наслаждение*), он скорее неопределённен и метафизичен.

Самое же интересное то, что *страх* и *смех*, а также семантически связанные с ними слова очень часто встречаются в одном контексте, «соседствуют» друг с другом. И таких примеров очень много: «Не смотрите на меня так *страшно*, не *смейтесь* надо мной («Неточка Незванова»); Только в остроге я слышал рассказы о самых *страшных*, о самых неестественных поступках, о самых чудовищных убийствах, рассказанные с самым неудержимым, с самым детски весёлым *смехом* («Записки из Мёртвого дома»); В моём тесном убежище одного *боюсь* – литературной критики толстых журналов и свиста сатирических газет наших. *Боюсь*, чтоб легкомысленные посетители, глупцы и завистники и вообще нигилисты не подняли меня на *смех* («Крокодил»); Это был какой-то бред, какой-то лепет, – точно ей хотелось что-то поскорей мне рассказать, – бред, прерываемый иногда самым весёлым *смехом*, который начинал *пугать* меня («Игрок»); Он *испугался*, нагнулся ближе и стал её разглядывать; но и она ещё ниже нагнула голову. Он пригнулся тогда совсем к полу и заглянул ей снизу в лицо, заглянул и помертвел: старушонка сидела и *смеялась*, – так и заливалась тихим, неслышным *смехом*, из всех сил крепясь, чтоб он её не услышал. Вдруг ему

показалось, что дверь из спальни чуть-чуть приотворилась и что там тоже как будто *засмеялись* и шепчутся. Бешенство одолело его: изо всей силы начал он бить старуху по голове, но с каждым ударом топора *смех* и шёпот из спальни раздавались всё сильнее и слышнее, а старушонка так вся и колыхалась от *хохота*. Он бросился бежать <…> («Преступление и наказание»); Он потерянно *рассмеялся* при этом слове, вдруг подняв на неё глаза; до того же времени говорил, как бы смотря в сторону. Если б я был на её месте, я бы *испугался* этого *смеха*, я это почувствовал («Подросток»); – *Смеёшься* ты надо мной или нет? – Как же бы я посмел над вами *смеяться*, и до *смеху* ли, когда такой *страх*? Предчувствую, что будет падучая, предчувствие такое имею, от *страху* от одного и придёт-с («Братья Карамазовы»); А между тем, Анька, я просто *боюсь*. Друг мой милый и единственный: хоть я знаю, что муж, не скрывающий в этом случае своего *страху*, сам ставит себя в *смешной* вид в глазах жены, но я имею глупость, Аня, не скрывать: я *боюсь*, действительно *боюсь*, и если ты, *смеясь* своим милым *смехом* (который я так люблю), приписала: “Ревнуй”, то достигла цели» (письма).

ВЫВОДЫ

Страх, как известно, – это игра воображения. Достоевский, создавая возможные, воображаемые миры, заключил их в поле неопределённости. Для этого он использовал целый арсенал лингвистических средств – *как бы, как будто, вдруг* и многие другие. Компенсацией этой неопределённости служат многочисленные средства усиления – повторы, амплификация, параллелизмы и т. д. Компенсацией же страха служит смех, который не просто часто сопровождает страх, но и вызывает его.

Достоевский сам боялся этого своего страха перед неопределённостью, хотя сам и создавал её, боялся банальности и пошлости, боялся показаться смешным. В смехе же искал спасения. А ещё – в живой жизни, в «клейких листочках», в красоте, в Христе… Любому демиургу, а Достоевский, вне всякого сомнения (в записных тетрадях писателя мы находим этому прямое подтверждение и, как, на наш взгляд, абсолютно справедливо отмечает И.И. Евлампиев, «…идея о существовании людей, способных каким-то мистическим способом влиять на мир <…> является одной из главных в философских размышлениях писателя» [13, с. 12]), себя считал таковым – творцом, пророком, предсказателем – в той или иной степени просто суждено испытывать страх. Бывает и так, что само творчество является реакцией на страх. Страх демиурга сродни страху любого человека, отягощённого властью, которому просто предначертано бояться. И одна из разновидностей подобного страха – страх перед смехом, страх показаться смешным.

Полагаем, что перспективой проведённого исследования может стать решение задачи построения авторского тезауруса, тезауруса Достоевского, центральное место в котором, несомненно, занимают идеоглоссы *страх* и *смех*.

Список литературы

1. *Глазкова М.М., Иконникова Я.В.* Виртуально-творческий межнациональный диалог (А. Жид – Ф. Ницше – Ф. Достоевский) во французском и русском литературоведении // Неофилология. 2021. Т. 7. № 25. С. 51-61. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-51-61
2. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. I (А–В). Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Ружицкий И.В. и др. / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008. 962 с.; Т. II (Г–З). М.: Азбуковник, 2010. 1049 с.; Т. III (И–М). М.: Азбуковник, 2012. 847 с.; Т. IV (Н–По). М.: Азбуковник, 2017. 859 с.
3. *Вейнберг П.И.* Литературные спектакли (Из моих воспоминаний) // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников / под ред. В.В. Григоренко и др. Т. 1. М.: Худ. лит-ра, 1964.
4. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. *Манн Т.* Путь на Волшебную гору. М.: Литературно-художественное изд-е «Мой XX век», 2008. 464 с. URL: https://bookscafe.net/book/tomas_mann-put_na_volshebnuyu_goru-241021.html (дата обращения: 29.01.2021).

6. *Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А.* Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870 гг. Т. 2. М.: Изд. дом «ЯСК», 2016. 848 с.
7. *Бонола А*. Семантико-прагматический потенциал слова *вдруг* в русском языке и его перевод на итальянский: контрастивный анализ на основе параллельного русско-итальянского корпуса // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (30). С. 24-37.
8. *Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л.* Homo Ridens // Слово Достоевского / под ред. Ю.Н. Караулова, Е.Л. Гинзбурга. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 160-186.
9. *Баршт К.А.* Мысли Паскаля в художественном мире Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2016. № 21. С. 129-169.
10. *Ружицкий И.В.* «Смех» Достоевского глазами лексикографа // STEPHANOS. 2017. № 6 (26). С. 37-48.
11. *Назиров Р.Г.* Творческие принципы Достоевского. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. 160 с. URL: http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-book.php (дата обращения: 30.01.2021).
12. *Карасёв Л.В.* О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 90-111.
13. *Евлампиев И.И.* Достоевский и мистическая философия В.Ф. Одоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2019. № 22. С. 3-25.

References

1. Glazkova M.M., Ikonnikova Y.V. Virtual’no-tvorcheskiy mezhnatsional’nyy dialog (A. Zhid – F. Nitsshe – F. Dostoyevskiy) vo frantsuzskom i russkom literaturovedenii [Virtual-creative inter-ethnic dialogue (A. Gide – F. Nietzsche – F. Dostoevsky) in French and Russian literary criticism]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 51-61. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-51-61 (In Russian).
2. Ginzburg E.L., Karaulov Y.N., Ruzhitskiy I.V. et al. *Slovar’ yazyka Dostoyevskogo: Idioglossariy* [Dictionary of Dostoevsky’s Language: Idioglossary]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008, Vol. 1, 962 p.; Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, Vol. 2, 1049 p.; Moscow, Azbukovnik Publ., 2012, Vol. 3, 847 p.; Moscow, Azbukovnik Publ., 2017, Vol. 4, 859 p. (In Russian).
3. Veynberg P.I. Literaturnyye spektakli (Iz moikh vospominaniy) [Literary performances (From my memories)]. *F.M. Dostoyevskiy v vospominaniyakh sovremennikov. T. 1* [F.M. Dostoevsky in the Memoires of His Contemporaries. Vol. 1]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1964. (In Russian).
4. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [The Complete Collection of Works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russian).
5. Mann T. *Put’ na Volshebnuyu goru* [The Way to the Magic Mountain]. Moscow, Literary and Artistic Publication “My 20th century”, 2008, 464 p. (In Russian). Available at: https://bookscafe.net/book/tomas_mann-put_na_volshebnuyu_goru-241021.html (accessed 29.01.2021).
6. Shaykevich A.Y., Andryushchenko V.M., Rebetskaya N.A. *Distributivno-statisticheskiy analiz yazyka russkoy prozy 1850–1870 gg. T. 2* [Distributional and Statistical Analysis of Russian Prose Language of 1850–1870. Vol. 2]. Moscow, LRC Publishing House, 2016, 848 p. (In Russian).
7. Bonola A. Semantiko-pragmaticheskiy potentsial slova vdrug v russkom yazyke i ego perevod na ital’yanskiy: kontrastivnyy analiz na osnove parallel’nogo russko-ital’yanskogo korpusa [Semantic and pragmatic potential of Russian word vdrug and its translations into Italian: contrastive analysis on the material of the parallel russian-italian corpus]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, no. 2 (30), pp. 24-37. (In Russian).
8. Karaulov Y.N., Ginzburg E.L. Nomo Ridens [Homo Ridens]. *Slovo Dostoyevskogo* [Dostoevsky’s Word]. Moscow, RLI RAS Publ., 1996, pp. 160-186. (In Russian).
9. Barsht K.A. Mysli Paskalya v khudozhestvennom mire Dostoyevskogo [Pascal’s thoughts in the art world of Dostoevsky]. *Dostoyevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. St. Petersburg, 2016, no. 21, pp. 129-169. (In Russian).
10. Ruzhitskiy I.V. «Cmekh» Dostoyevskogo glazami leksikografa [Dostoevsky’s “Laughter” through the eyes of a lexicographer]. *STEPHANOS*, 2017, no. 6 (26), pp. 37-48. (In Russian).
11. Nazirov R.G. *Tvorcheskiye printsipy Dostoyevskogo* [Dostoevsky’s Creative Principles]. Saratov, Saratov State University Publ., 1982, 160 p. (In Russian). Available at: http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-book.php (accessed 30.01.2021).
12. Karasev L.V. O simvolakh Dostoyevskogo [About the symbols of Dostoevsky]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 1994, no. 10, pp. 90-111. (In Russian).
13. Evlampiyev I.I. Dostoyevskiy i misticheskaya filosofiya V.F. Odoyevskogo [Dostoevsky and the mystical philosophy of V.F. Odoevsky]. *Dostoyevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. St. Petersburg, 2019, no. 22, pp. 3-25. (In Russian).

Информация об авторе

Ружицкий Игорь Васильевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, konnitie@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1097-4998

Вклад в статью: идея, сбор данных, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 22.02.2021
Одобрена после рецензирования 30.03.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the author

Igor V. Ruzhitsky, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian language for foreign Students of Philological Faculty Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, konnitie@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1097-4998

Contribution: idea, data acquisition, manuscript text drafting.

The article was submitted 22.02.2021
Approved after reviewing 30.03.2021
Accepted for publication 22.04.2021